

Андреев И.В., канд. филос. наук
i1532@yandex.ru

Лебедев И.М.
lebedev26@mail.ru

Национальный исследовательский
Московский государственный строительный университет,
Институт экономики, управления и информационных
систем в строительстве и недвижимости,
кафедра социальных, психологических и правовых
коммуникаций
Москва, Россия

DOI: 10.24153/2079-5912-2017-8-3-18-24

М.М. СПЕРАНСКИЙ И М.Я. ОСТРОГОРСКИЙ: АСПЕКТЫ ИДЕЙНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о возможных направлениях влияния теоретического наследия М.М. Сперанского на систему взглядов выдающегося российского политического мыслителя, одного из основоположников современной теории политических партий М.Я. Острогорского (1854 – 1921). В частности, авторы показывают общее и особенное в представлениях этих ученых о роли политических партий в политическом процессе, характеристиках идеальной политической элиты, допустимых пределах участия народных масс в политической жизни, феномене общественного мнения.

Ключевые слова: Сперанский, М.Я. Острогорский, либерализм, теория разделения властей, политические партии, политические элиты, общественное мнение.

Сложные процессы трансформации института политических партий в современном мире актуализируют значимость классического наследия таких крупных специалистов в области партологии, как Дж. Брайс, Р. Михельс, М. Дюверже, К. Джанда. Заметное место в их ряду принадлежит выдающемуся российскому политическому мыслителю Моисею Яковлевичу Острогорскому (1854 – 1921). Как известно, на рубеже XIX–XX вв. Острогорский на английском и американском материале рассмотрел основные закономерности становления политических партий, придя при этом к парадоксальному итоговому выводу о необходимости вытеснения института политических партий из общественной жизни. В частности, весьма актуальными представляются современным исследователям суждения этого ученого о механизмах бюрократизации руководства политических партий, морально-психологической атмосфере в партийных организациях, политическом потенциале временных узкоспециализированных структур непартийного типа.

Одним из недостаточно исследованных аспектов творчества Острогорского является, на наш взгляд, вопрос об идейных источниках его политической концепции. Зарубежные исследователи склонны абсолютизировать роль в становлении Моисея Яковлевича как теоретика политики достижений западноевропейской мысли, с которыми он имел возможность ознакомиться в период учебы в парижской Свободной школе политических наук (в 1883 – 1885 гг.) и в ходе многолетнего творческого общения с Дж. Брайсом [20; 21]. Современные российские политологи пытаются проследить основные направления воздействия на творчество Острогорского таких отечественных ученых, как А.Д. Градовский, Б.Н. Чичерин, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, не забывая при этом, разумеется, и о роли западноевропейских методологических ориентиров, разработанных в рамках позитивизма [3; 16; 17].

Автору настоящей статьи представляется более правомерным последний подход, ориентирующий на раскрытие содержания концепции Острогорского как

синтеза западных и российских теоретических концептов и политической практики [2, с. 77-100]. При этом, однако, хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что вне сферы внимания наших исследователей пока остается – в качестве вероятного идейного предшественника Острогорского – мыслитель, удостоившийся (в отличие от всех перечисленных выше) высочайшей оценки Моисея Яковлевича как один из трех (наряду с М.В. Ломоносовым и А.В. Суворовым) «представителей разных сторон русского гения» [11, л. 1об-2]. Речь идет о Михаиле Михайловиче Сперанском. И если в данном суждении, бесспорно, за Ломоносовым закреплен статус крупнейшего русского ученого-естествоиспытателя, а за Суворовым – статус величайшего военного деятеля, то в какой сфере (или сфере) общественной жизни первенствующее место Острогорский отвел Сперанскому?

В своем «Учебнике русской истории» для гимназий и реальных училищ Острогорский отметил роль Сперанского как ближайшего помощника Александра I в деле организации Государственного Совета и министерств, что позволило обеспечить более качественную разработку законопроектов и повысить личную ответственность руководителей за результаты работы их ведомств. А в царствование Николая I Сперанский возглавил «необыкновенно трудную работу» по составлению Свода законов, имевшую целью оптимизацию механизма государственного управления и, в частности, противодействие «злоупотреблениям чиновников» [13, с. 156-157, 162]. Таким образом, Острогорский стремился к закреплению в сознании школьников образа Сперанского как видного государственного деятеля и правоведа, внесшего существенный вклад в модернизацию ключевых государственных институтов и системы законодательных актов России.

Вместе с тем, по нашему мнению, правомерно поставить вопрос и о позитивном восприятии М.Я. Острогорским ряда других идей М.М. Сперанского, повлиявших на формирование теоретико-методологических оснований политической концепции Моисея Яковлевича, которая включала в себя комплекс суждений не только об институте политических партий, но и о направлениях реформирования демократической политической системы в целом. Для подтверждения этой гипотезы проведем сравнительный анализ высказываний М.М. Сперанского и М.Я. Острогорского по следующим вопросам: специфика либерального мировоззрения обоих мыслителей; проблема негативного влияния политических партий на институты государственной власти; оценка роли народных масс в политической жизни; социальная и ценностно-нормативная характеристика идеальной политической элиты; феномен общественного мнения.

Специфика либерального мировоззрения М.М. Сперанского и М.Я. Острогорского. То обстоятельство, что периоды наивысших творческих достижений этих ученых разделяет целое столетие, обуславливает существенные различия системы их идейно-политических ориентиров в рамках умеренного либерализма. М.М. Сперанский не сомневался в жизнеспособности своей концепции «истинной монархии», предполагавшей ограничение власти монарха представительными учреждениями, сформированными волеизъявлением высших и средних классов общества, – и воплощение этой концепции в жизнь виделось ему в будущей перспективе [5; 15, с. 194-233]. Острогорский же был свидетелем крушения английской олигархической модели политической системы, в наибольшей степени, как представлялось ему, гарантировавшей индивидуальные права и свободы, но ставшей достоянием прошлого в результате существенного расширения избирательного права в 60-е гг. XIX в. В то же время Моисей Яковлевич осознавал невозможность возвращения к пройденному этапу политического развития и стремился изыскать способы нейтрализации негативного влияния массовизации политической жизни на путях реформирования новых демократических институтов.

При этом оба мыслителя недвусмысленно отвергали революционные варианты общественных преобразований, высказываясь за методы осуществления неспешных, осторожных, постепенных изменений политических структур, подготовленных соответствующими подвижками в сфере массового политического сознания. М.М. Сперанский считал бесперспективным насильственное навязывание социуму учреждений, время которых еще не пришло: «Усовершенствования принужденные не прочны...» [15, с. 140]. А М.Я. Острогорский подчеркивал, что в ходе предложенной им реформы политической системы недопустим «механический процесс» форсированного насаждения политических институтов, не имевших под собой основы в виде новой политической культуры – культуры толерантного взаимодействия свободных, рационально мыслящих индивидов, ориентированных на бескорыстное служение общественному благу; без «свободы духа», утверждал он, используя библейские метафоры, свободные политические учреждения – лишь «сосуд звенящий и кимвал бряцающий». Единственно приемлемым представлялся ему «химический процесс взаимного проникновения» старого и нового – медленное, осторожное введение новых политических институтов наряду с максимальным использованием потенциала старых форм политической организации [12, л. 3; 18, vol. 1, p. 580-581].

Проблема негативного влияния политических партий на институты государственной власти. Несмотря на то, что понятие «политические партии», в сущности, отсутствует в творческом наследии Сперанского, данная проблема осознавалась и в имплицитной форме артикулировалась Михаилом Михайловичем, как это показал еще более ста лет назад М.В. Довнар-Запольский. Он отмечал, что в концепции разделения властей Сперанского исполнительная власть должна носить «внепартийный» характер, поскольку только при этом условии могли быть обеспечены единство действий всех ее структурных компонентов и правильное распределение функций между ведомствами [4, с. 54, 60].

М.Я. Острогорским данная проблема освещалась более обстоятельно. Исследуя взаимодействие высших органов государственной власти, он высказал мнение о подрыве в результате деятельности массовых политических партий основного принципа организации либеральной политической системы – принципа разделения властей и о фактической невозможности независимой, рационально мотивированной деятельности парламентариев. При этом его особую тревогу вызывала профанация контрольной функции парламента в ситуациях, когда исполнительная и законодательная ветви власти направляются выдвиженцами одной партии, руководящая группировка которой и принимает на деле все ключевые властные решения.

Весьма близкими были подходы обоих мыслителей в **оценке роли народных масс в политической жизни.** М.М. Сперанский отстаивал необходимость высокого имущественного избирательного ценза, отсекающего широкие народные массы от выборов в высшие органы законодательной власти. Михаил Михайлович обосновывал этот принцип тем, что, поскольку деятельность законодателей должна быть направлена на защиту законности и собственности, наилучшим образом осуществлять ее могут сами собственники. Кроме того, обладание собственностью свидетельствует о более высоких интеллектуальных качествах ее владельцев по сравнению с неимущими гражданами. Но представителей некоторых социальных групп, полагал мыслитель, даже сумевших обзавестись определенным капиталом, нельзя допускать к выборам ввиду «природного», так сказать, отсутствия у них «разума» и чувства чести. К числу таких групп он относил, в частности, домашних слуг, ремесленников, наемных рабочих. Отсутствие же высокого избирательного ценза, прогнозировал Сперанский, неизбежно привело бы к тому, что «перевес» возьмут неимущие слои, которые установят режим «охлократии» [15, с. 215].

Подобным образом и М.Я. Острогорский считал неоправданно поспешным актом существенное расширение избирательного права в Великобритании в 60-е гг. XIX в., открывшее доступ к избирательным урнам широким массам рабочего класса. Следствием этого, полагал Моисей Яковлевич, стал рост политического влияния рабочих и других малоимущих групп за счет тех компонентов социума, которые обладают значительной собственностью и социальным престижем. В перспективе, высказывал опасение он, можно прогнозировать «бесконечные конфликты» между этими социальными группами, результат которых «не подлежит сомнению», ибо вся история свидетельствует о неизбежности победы обладателей «политической силы» над силой «социальной». (Однако обозначить грядущую «победу» пролетариата Острогорский считал возможным не термином «охлократия», как это сделал Сперанский, а более современным понятием «социализм») [10, с. 87, 91].

Разумеется, М.М. Сперанский, размышляя в контексте представлений своего времени, не ставил вопрос о предоставлении избирательного права женщинам. Но и у М.Я. Острогорского в конце XIX в. не было однозначного мнения по данному вопросу. Будучи сторонником полного равноправия женщин в гражданско-правовых отношениях, Моисей Яковлевич полагал, однако, что немедленное предоставление женщинам политических прав не представляется самоочевидным, а зависит от конкретной ситуации в разных странах (особенности законодательства, общей и политической культуры и пр.). Методологическим основанием подобного подхода было неприятие мыслителем концепции естественного права и его приверженность позитивистскому направлению в юриспруденции [19].

Концепция идеальной политической элиты. Отказывая большей части населения даже в активном избирательном праве, оба мыслителя высказывались за предоставление возможности принятия ключевых государственных решений политической элите, аристократической как по своим социальным характеристикам, так и по интеллектуально-нравственным качествам.

М.М. Сперанский нарисовал виртуальный образ «высшего класса народа» – «живой стражи», имеющего целью не допустить трансформации «истинной монархии» в деспотию. Этот класс, которому мыслитель отводил роль посредствующего звена в политическом пространстве «между престолом и народом», должен обладать уровнем образования, достаточным для четкого понимания «пределов» власти монарха, и быть «довольно независимым, чтоб ее не бояться». Вместе с тем базовые интересы

«высшего класса») должны совпадать с «пользами народа», что позволило бы исключить возможность измены политической элиты рядовым гражданам. Социальную основу формирования этой «живой стражи» должны были образовать «известные роды» – аристократические кланы, обладающие передающимися по наследству статусными привилегиями, гарантирующими неприкосновенность их «бытия» от произвола верховной власти как в социально-экономической сфере, так и в государственном аппарате [15, с. 121-122].

Понимая, впрочем, всю огромность дистанции между идеалом и отечественными реалиями, М.М. Сперанский с грустью констатировал наличие в России «только двух состояний» – «рабов государевых» и «рабов помещичьих» [15, с. 125].

Для М.Я. Острогорского же идеальная политическая элита была социально-политическим феноменом, покидающим историческую сцену: ее примеры он усматривал в «образованной и честной бюрократии», обеспечивавшей оптимальное функционирование «режима просвещенного абсолютизма», и в английской «парламентской аристократии», направлявшей деятельность Либеральной и Консервативной партий до второй половины XIX в. [9, с. 549]. Демократизация политической системы, полагал Острогорский, однозначно ведет к снижению качества политической элиты, способствуя выдвижению на первый план («заправил») массовых политических партий – малообразованных, циничных и зачастую коррумпированных выходцев из мелкобуржуазных слоев, подчиняющих партийную политику антиобщественным интересам промышленных и финансовых магнатов [9, с. 340-346].

Перспективы относительного оздоровления политических элит М.Я. Острогорский усматривал в вовлечении в политическую жизнь «лучшего элемента» – представителей «среднего класса», обладающих развитым «политическим и социальным сознанием», чувством «долга» («по отношению к государству и к своим согражданам») [9, с. 480-481].

Оба мыслителя признавали большое политическое значение **общественного мнения**. М.М. Сперанский был одним из первых исследователей, сформулировавших в начале XIX в. понятие «общественное мнение», под которым он подразумевал «внутреннее убеждение большей части людей о каком-либо политическом или гражданском предмете, происходящее... от... действия правительства или законов». По мере своего формирования общественное мнение все сильнее влияет на направленность и формы протекания политических процессов в стране и превращается, в конце концов, в «главную стихию политического бытия», определяющую «судьбу челове-

ческих обществ». Исходя из этого, Михаил Михайлович высказал суждение о стоящей перед властной элитой необходимости, с одной стороны, тщательной диагностики содержания и динамики общественного мнения, а с другой стороны, – осуществления мероприятий по целенаправленному формированию благоприятного для правительства комплекса оценочных суждений граждан [15, с. 142-145].

М.Я. Острогорский рассматривал общественное мнение как социальный феномен, представляющий собой основной механизм политического участия народных масс, поскольку к реальному осуществлению власти они, как полагал Моисей Яковлевич, не способны. При этом он подчеркивал, что общественное мнение должно складываться из множества индивидуальных политических оценок, максимально свободных как от воздействия государственных органов, так и от преобладающих в данный момент предрассудков и эмоций («толпы»). Поэтому одно из обвинений, предъявленных Острогорским политическим партиям, состояло в констатации их роли как структур, осуществляющих политическую мобилизацию граждан методами, исключающими критическое восприятие партийных программ и лозунгов [18, vol. 1, p. 745-754].

Подводя итоги, можно констатировать определенную идейную преемственность системы политико-юридических взглядов М.М. Сперанского и политической концепции М.Я. Острогорского. В ее основе лежала принадлежность обоих мыслителей к умеренному течению в рамках идеологии либерализма, акцентировавшему значимость индивидуальных прав и свобод, автономии органов государственной власти в соответствии с парадигмой «сдержек и противовесов», определяющей роли состоятельных и компетентных граждан в эволюционном политическом процессе. Имплицитно выраженное сомнение Сперанского в социальной полезности института политических партий также, вероятно, в какой-то мере могло повлиять на «антипартийный» тренд политического мировоззрения Острогорского.

В то же время следует адекватно оценивать меру влияния научного наследия М.М. Сперанского на творческую эволюцию М.Я. Острогорского. Для Моисея Яковлевича наибольший интерес представляли суждения тех теоретиков и практических политиков, которые обосновывали тезис о негативном воздействии института политических партий на развитие демократических политических систем, опираясь на данные практического опыта функционирования партийных организаций. А эта проблематика не стала предметом специальных исследований Сперанского. Система идей Михаила Михайловича выступала, следовательно, не в качестве *непосредственного* источни-

ка научного проекта Острогорского, а как один из значимых компонентов его идейного контекста – системы представлений об общих характеристиках оптимальной конституционно-правовой политической системы, ориентируясь на которые Острогорский пытался спрогнозировать тенденции эволюции института политических партий.

Таким образом, высочайшая оценка М.Я. Острогорским места и роли М.М. Сперанского в развитии русской политической мысли основывалась в значительной мере на осуществленном Михаилом Михайловичем – впервые в истории России – выдвижении и обосновании комплекса базовых постулатов идеологии либерализма, актуальных и в долгосрочной перспективе. Вместе с тем, на наш взгляд, колоссальный объем проделанной Сперанским практической работы по реформированию отечественных государственных институтов и законодательства превращал этого деятеля в глазах Острогорского, если использовать социально-психологическую терминологию, в фигуру «референтного» типа – образец для подражания и сравнения. Ведь и сам Острогорский стремился позиционировать себя в рамках мирового научного сообщества как реформатора традиционных основ конституционного права [1], а в период своей деятельности в качестве депутата I Государственной думы, работая над проектом парламентского регламента, пытался нормативно минимизировать роль партийных фракций в принятии думских решений [2, с. 40-41]. И хотя подняться на уровень Сперанского в этом отношении Острогорскому не было суждено, его роль как одного из основоположников отечественного парламентского права правомерно признавалась как современниками Моисея Яковлевича [6, с. II; 7, с. 66], так и исследователями в наши дни [8, с. 33-36; 14].

Резюме:

В статье рассматривается вопрос о возможных направлениях влияния теоретического наследия М.М. Сперанского на систему взглядов выдающегося русского политического мыслителя, одного из основоположников современной теории политических партий М.Я. Острогорского (1854 – 1921). Авторы показывают, что принадлежность обоих этих ученых к умеренному направлению либеральной идеологии обусловила категорическое неприятие ими всех форм политической тирании, отстаивание принципов правового государства и разделения властей, критическое отношение к ускоренному вовлечению широких народных масс в политическую жизнь, апологетику аристократической политической элиты и др. Авторы обращают внимание на то, что выраженное М.М. Сперанским в имплицитной форме сомнение в социальной полезности института политических партий также могло в какой-то мере повлиять на становление политической концепции М.Я. Острогорского, предусматривавшей вытеснение партийных организаций из общественной жизни и замену их временными узкоспециализированными структурами непартийного типа. Вместе с тем авторы полагают, что научное наследие М.М. Сперанского выступало не в качестве непосредственного источника проекта М.Я. Острогорского, а как один из значимых компонентов его идейного контекста – системы представлений об общих характеристиках оптимальной конституционно-правовой политической системы, ориентируясь на которые Острогорский пытался спрогнозировать тенденции эволюции института политических партий. Кроме того, в глазах Острогорского, пытавшегося разработать и воплотить в жизнь правовые механизмы ограничения влияния политических партий на жизнь общества, личность Сперанского могла представлять в качестве идеала государственного деятеля – крупнейшего реформатора общенациональной системы законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев И.В. Работа М.Я. Острогорского «Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека» // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2017. № 2. С. 4-10.
2. Андреев И.В. Русская либеральная партология: методологические ориентиры и содержание (вторая половина XIX в. – 1917 г.). М.: МГСУ, 2014. 224 с.
3. Дандарова Т.К. Теория демократии М.Я. Острогорского. Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 1995. 186 с.
4. Довнар-Запольский М.В. Политические идеалы М.М. Сперанского. Зарождение министерств в России. Реформа общеобразовательной школы при императрице Екатерине II. Исторический процесс русского народа в исторической науке. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 232 с.
5. Лебедев И.М., Мезавцов А.М. Исторические условия и предпосылки формирования конституционно-правовой концепции М.М. Сперанского // История государства и права. 2017. № 2. С. 11-14.
6. Муромцев С.А. Внутренний распорядок Государственной думы. М.: Типолиитография К.И. Чероковой, 1907. 82 с.
7. Набоков В.Д. Первый председатель Государственной думы // С.А. Муромцев и Первая дума: сб. статей. Tenafly, New Jersey: Hermatage, 1998. С. 62-75.
8. Назарова Ю.В. Нравственно-правовые концепции законотворцев Государственной думы 1905 – 1907 гг.: этико-философский анализ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. 2010. № 2. С. 31-36.
9. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. 639 с.
10. Острогорский М.[Я.] Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека. Пг.:Тип. П.П. Усова, 1916. 183с.
11. Острогорский М.Я. Письмо А.Д. Милютину. 20 января 1906 г. // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 169. К. 72. Ед. хр. 57.
12. Острогорский М.Я. Письмо П.Б. Струве. 22 февраля 1906 г. // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 753. Ед. хр. 77.
13. Острогорский М.[Я.] Учебник русской истории. М.: Капитал и культура, 1995. 192 с.
14. Саврасов А.Ф. Первый проект Наказа (регламента) Государственной думы России (1906-1917) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 180-184.
15. Сперанский М.М. О коренных законах государства. М.: Эксмо, 2015. 544 с.
16. Степанюк С.И. Концепция политической партии в теоретическом наследии М.Я. Острогорского. Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2003. 135 с.
17. Щарапов И.В. Социологические аспекты творчества М.Я. Острогорского. Дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2007. 155 с.
18. Ostrogorski M. Democracy and the Organization of Political Parties. 2 vol. [Translated from the French by F. Clarke]. L.: N.Y.: Macmillan, 1902. 1524 p.
19. Ostrogorski M. The Rights of Women. A Comparative Study in History and Legislation. L.: Swan Sonnenschein, 1893. 232 p.
20. Pombeni P. Starting in Reason, Ending in Passion. Bryce, Lowell, Ostrogorski and the Problem of Democracy // Historical Journal. 1994. № 2. P. 319-341.
21. Quagliariello G. Politics without Parties. Moisei Ostrogorski and the Debate on Political Parties on the Eve of the Twentieth Century. Aldershot etc.: Avebury, 1996. 248 p.

Andreev I.V.

Cand. philos. Sci.

National Research Moscow State University of Civil Engineering
i1532@yandex.ru

Lebedev I.M.

National Research Moscow State University of Civil Engineering
lebedev26@mail.ru

M.M. SPERANSKY AND M.YA. OSTROGORSKY: ASPECTS OF IDEOLOGICAL CONTINUITY

In the article, the co-authors consider the nature of the influence produced by the M.M. Speransky's theoretical heritage on the ideology maintained by M.Ya. Ostrogorsky (1854 – 1921), an outstanding Russian political thinker and a founder of the contemporary theory of political parties. In particular, the co-authors identify the common and differentiated features in the ideas developed by the scholars in respect of the role of political parties in the political process, the characteristics of the ideal political elite, the appropriate extent of involvement of masses in the political life, and the public opinion phenomenon.

Keywords: M.M. Speransky, M.Ya. Ostrogorsky, liberalism, the partition of sovereignty, political parties, political elites, public opinion.

Resume: In the article, the co-authors consider the nature of the influence produced by the M.M. Speransky's theoretical heritage on the ideology of M.Ya. Ostrogorsky (1854 – 1921), an outstanding Russian political thinker and a founder of the contemporary theory of political parties. The co-authors have proven that both scholars adopted a moderate liberal ideology; therefore, they were strongly opposed to any political tyranny, asserted the principles of a law-governed state and partition of sovereignty, a critical attitude towards the accelerated involvement of masses into the political life and the apologetics of the aristocratic political elite. The co-authors draw attention to the fact that M.M. Speransky's doubt about the social value of the institute of political parties, that he expressed in implicit form, could produce some impact on the formation of M.Ya. Ostrogorsky's political concept, in pursuance of which political organizations were ousted from the public life and replaced by temporary highly specialized structures, different from parties. Nonetheless, the co-authors believe that M.M. Speransky's academic heritage did not serve directly as the basis for M.Ya. Ostrogorsky's project, but it worked as a substantial component of its ideological context, or the system of ideas underlying the optimal constitutional and legal system, employed by Ostrogorsky to project the evolution of the institute of political parties. Moreover, according to Ostrogorsky, who tried to develop and implement the legal vehicles limiting the influence of political parties on the society, Speransky could be an ideal statesman and a major reformer of the national legal framework.

Literature:

1. Andreev I.V. Rabota M.Ya. Ostrogorskogo «Konstitucionnaya e'voluciya Anglii v techenie poslednego poluveka» // Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik. 2017. № 2. S. 4-10.
2. Andreev I.V. Russkaya liberal'naya partologiya: metodologicheskie orientiry i sodержanie (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.). M.: MGSU, 2014. 224 s.
3. Dandarova T.K. Teoriya demokratii M.Ya. Ostrogorskogo. Diss. ... kand. polit. nauk. SPb., 1995. 186 s.
4. Dovnar-Zapol'skij M.V. Politicheskie idealy M.M. Speranskogo. Zarozhdenie ministerstv v Rossii. Reforma obshheobrazovatel'noj shkoly pri imperatrice Ekaterine II. Istoricheskij process russkogo naroda v istoricheskoy nauke. Izd. 2-e. M.: LENAND, 2016. 232 s.
5. Lebedev I.M., Mezavcov A.M. Istoricheskie usloviya i predposylki formirovaniya konstitucionno-pravovoj koncepcii M.M. Speranskogo // Istorija gosudarstva i prava. 2017. № 2. S. 11-14.
6. Muromcev S.A. Vnutrennij rasporyadok Gosudarstvennoj dумы. M.: Tipolitografiya K.I. Cherokovoj, 1907. 82 s.
7. Nabokov V.D. Pervyj predsedatel' Gosudarstvennoj dумы // S.A. Muromcev i Pervaya дума: sb. statej. Tenafly, New Jersey: Hermitage, 1998. S. 62-75.
8. Nazarova Yu.V. Nravstvenno-pravovye koncepcii zakonotvorcev Gosudarstvennoj dумы 1905 – 1907 gg.: e'tiko-filosofskij analiz // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2010. № 2. S. 31-36.
9. Ostrogorskij M.Ya. Demokratiya i politicheskie partii. M.: ROSSPEN, 1997. 639 s.
10. Ostrogorskij M.[Ya.] Konstitucionnaya e'voluciya Anglii v techenie poslednego poluveka. Pg.:Tip. P.P. Usova, 1916. 183s.
11. Ostrogorskij M.Ya. Pis'mo A.D. Milyutinu. 20 yanvara 1906 g. // Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka. Otdel rukopisej. F. 169. K. 72. Ed. xr. 57.
12. Ostrogorskij M.Ya. Pis'mo P.B. Struve. 22 fevralya 1906 g. // Rossijskaya nacional'naya biblioteka. Otdel rukopisej. F. 753. Ed. xr. 77.
13. Ostrogorskij M.[Ya.] Uchebnik russkoj istorii. M.: Kapital i kul'tura, 1995. 192 s.
14. Savrasov A.F. Pervyj proekt Nakaza (reglamenta) Gosudarstvennoj dумы Rossii (1906-1917) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2009. № 1. S. 180-184.
15. Speranskij M.M. O korennyx zakonax gosudarstva. M.: E'ksmo, 2015. 544 s.
16. Stepanyuk S.I. Koncepciya politicheskoy partii v teoreticheskom nasledii M.Ya. Ostrogorskogo. Diss. ... kand. po-lit. nauk. SPb., 2003. 135 s.
17. Sharapov I.V. Sociologicheskie aspekty tvorchestva M.Ya. Ostrogorskogo. Diss. ... kand. sociol. nauk. Saratov, 2007. 155 s.
18. Ostrogorski M. Democracy and the Organization of Political Parties. 2 vol. [Translated from the French by F. Clarke]. L.; N.Y.: Macmillan, 1902. 1524 p.
19. Ostrogorski M. The Rights of Women. A Comparative Study in History and Legislation. L.: Swan Sonnenschein, 1893. 232 p.
20. Pombeni P. Starting in Reason, Ending in Passion. Bryce, Lowell, Ostrogorski and the Problem of Democracy // Historical Journal. 1994. № 2. P. 319-341.
21. QuagliarIELLO G. Politics without Parties. Moisei Ostrogorski and the Debate on Political Parties on the Eve of the Twentieth Century. Aldershot etc.: Avebury, 1996. 248 p.